Жизнь в удовольствие

ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ

Когда я бываю в Москве, то всегда, как бы ни поджимало время, стараюсь выкроить часок-другой на посещение Центрального Дома художника. Ни в одном другом выставочном зале посетителю не предоставляется столь уникальная возможность познакомиться с десятком новых имен и интереснейших работ под одной крышей.

В тот раз, о котором идет речь, я буквально прикипела душой к циклу работ «Дорожные амулеты»: витиеватые эмалевые плашки в обрамлении грубого, практически необработанного, но от того абсолютно живого дерева. Прочесть сюжет картин было почти невозможно, но досконального прочтения и не требовалось – бешеная их энергетика настолько притягивала, что я кружилась волчком по залу, твердя, как формулу перед экзаменом, имя художника – Михаил Селищев, Михаил Селищев...

В Ростов меня забросило редакционное задание – найти частный музей и его автора. Ни имени, ни адреса... Поразмыслив, что частных музеев в маленьких провинциальных городках вряд ли может быть много, обратилась с вопросом в Ростовский музей-заповедник.

– Да прямо от ворот музея по направлению к озеру ведут белые следы, – улыбнулась приветливая кассирша. – По ним и выйдете к галерее художественной эмали «Хорс». Владельца зовут Миша.

Топая по следам, пытаюсь расшифровать слово «Хорс». Единственная версия – русифицированный вариант английского слова «лошадь». Странноватое название для арт-галереи. Впрочем, лошадь – это Пегас, а последний, как известно, служит вдохновителем творческих личностей.

Следы обрываются около гадного забора, украшенного вывесками – «Музей старинного русского быта», «Галерея художественной эмали «Хорс», «Приют для странствующих художников». Пока рассматривала таблички, калитка то и дело хлопала: стайка школьников, возбужденно переговариваясь, покидала территорию частного музея.

Спускаюсь по расчищенной дорожке к аккуратненькому домику. По обе стороны от тропинки бархатится нежным муаром английский газон, альпийская горка радует глаз точеными пиками алых тюльпанов. Ни ожидаемых грядок с морковкой-петрушкой, ни грязных лопат-граблей и прочего садового инвентаря – просто не деревенский российский дом из глубинки, а швейцарское имение.

Возле кнопочки звонка – две очередные таблички. Одна сообщает, что это устройство не что иное, как «звонок», а другая извещает: «вход свободный». Давлю на пупочку, но открывается дверь совсем другого дома – соседнего.

– Вы в музей? Сейчас открою, – приветствует нас симпатичная девушка в фартуке до самого пола.

– Да нет, в музей попозже... Нам бы хозяина повидать.

– Вы знакомы? – придирчиво спрашивает барышня.

– Пока нет, но надеемся познакомиться.

Фото Вячеслава ЮРИСОВА.

– Что вас интересует? Пресса не часто нас балует своими визитами.

– Да все, и про вас и про музей.

– Это надо начинать с «родился-учился»? Скучно. Я вам потом буклет свой дам, там все написано.

– Тогда объясните, что значит «Хорс»?

– Это славянский бог Солнца. А вы что подумали?

Признаться про «лошадиные вариации» почему-то показалось стыдно, в ответ я лишь неопределенно развела руками.

– Учился в Москве в Суриковке, работал на Дальнем Востоке, родители жили в Киеве (отец – художник, мать – юрист), потом приехал сюда. Мне понравилось, купил полдома. Вот, живу теперь здесь.

Из обещанного буклета позднее я выяснила, что перечисление одних выставок (как персональных, так и международных – Германия, Румыния, Индия, Франция, Австрия, Япония et cetera) занимает целый лист. В Центральном Доме художника выставляется практически ежегодно уже десять лет (предательская память ничего не подсказала, хотя сочетание «ЦДХ – Селищев» долгое время после того заочного знакомства вертелось в голове). Действительно, перечислять все это заезжему журналисту, когда сам факт уже прожит тобою и пережит, – скучное занятие.

В 90-м Михаил начал работать в технике эмали, двумя годами позже облюбовал берег озера Неро, а в 1995 году открыл свой музей. Черно-белые фотографии той развалюхи, которая была на месте нынешнего пряничного домика, наглядно свидетельствуют о потребовавшемся титаническом труде. Но об этом Михаил Селищев говорит как о само собой разумеющемся, вскользь. Выставочные залы он радушно предоставляет всем желающим. Сначала экспонировались местные художники, теперь выставки (по десять – пятнадцать в год) сплошной чередой сменяют друг друга – тут работы и самого Михаила, и столичных гостей, и иностранных художников. График и интенсивность работы частной арт-галереи сравнимы с ведущими салонами столицы.

Пока хозяин делился всей этой информацией, меня терзал вопрос, который с художниками обсуждать в общем-то не принято: за счет чего живет и процветает частная арт-галерея? Вход-то в музей свободный...

– Но не бесплатный, – поясняет Михаил.

– Это как?

– Да сами увидите. Пойдемте уже в галерею.

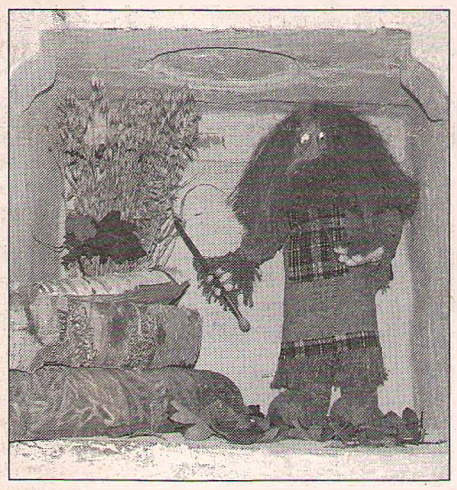
Переходим в тот самый дом, увенчанный табличкой «звонок». На внутренней стороне двери – прозрачный ящик наподобие почтового.

– Вот сюда все желающие и складывают плату за «билет». Называйте это пожертвования. А что вы хотите? Вся культура у нас в России живет исключительно на пожертвования. Я всегда говорю, когда люди лезут за кошельком: вы потом, на выходе, опустите что-нибудь в этот ящик, если захотите. А то вдруг вам не понравится? За что же тогда платить?

Правда, этот ящик для Михаила – источник «головной боли». Некоторые предприимчивые школяры рассматривают его как один из самых интересных экспонатов музея и не упускают возможности поживиться под шумок.

– И что, вот на эти средства можно жить и содержать такой музей? – не отстаю я. – А художники за свои выставки вам платят?

Оказывается, что нет. За аренду помещения Михаил с братьев-живописцев ничего не берет. Более того, бесплатно предоставляет уютное жилье (тот самый «приют для странствующих художников»). А еще Михаил каждый год в июне проводит симпозиумы по эмали, принять участие в которых считают за честь и иностранные эмальеры. Две недели команда из семи – десяти художников общается, работает, устраивает непременные итоговые выставки... Только не спрашивайте меня, сколько на этом грандиозном мероприятии Михаил Селищев, организатор и владелец, зарабатывает. Правильно, ни копейки. Даже если какие-то выставленные в его арт-галерее работы продаются, обязательный в таких случаях комиссионный процент тоже, по мнению владельца, – нонсенс.



Всю эту информацию я перевариваю, параллельно осматривая первые залы музея. Они отданы старинному русскому быту. Самовары, ткацкий станок, чугунки, гигантские стеклянные бутыли, шляпные коробки, старинные фотографии теснятся в крошечных зальчиках. Процесс обрастания скарбом начался спонтанно и движется самопроизвольно и безостановочно. Жители Ростова с удовольствием несут сюда всякие старинные штучки. Многие расстаются с семейными реликвиями абсолютно в духе Михаила Селищева – бесплатно. Кажущееся бессистемным нагромождение несочетаемых предметов тем не менее выглядит очень уютно. Сказываются опытная рука и чутье художника и экспозиционера. Ведь грамотно смонтировать выставку, так, чтобы она и глаз радовала, и многое поведала уму, – непростое искусство.

Захожу в следующий зал и столбенею. Те самые «Дорожные амулеты», которые некогда крепко запали мне в душу, украшают стены помещения.

– Вы тот самый Селищев?! – изумляюсь я и смотрю на автора совершенно по-новому.

Моя внезапная экзальтация сбивает Михаила с толку, и посему, захлебываясь от восторга, рассказываю ему историю моего первоначального знакомства с ним же самим. К подобным восторгам, как ни странно, Михаил не привык. Жутко смущается и пытается перевести разговор на другую тему. Указывает на притаившегося в укромном уголке старичка-лесовичка: «Когда меня спрашивают, кто это, говорю, что это и есть Хорс, в честь которого названа галерея».

– Пойдемте, я вам еще покажу «приют для странствующих художников». А то напишете, что здесь частная гостиница, бандюганы разные понаедут, «крышевать» начнут.

Две крошечные комнатки обставлены чистенько, со вкусом и даже с неким изыском. Здесь же расположена большая мастерская, в которой и творят свои шедевры приезжающие на симпозиум художники.

– Что бы вам еще показать? – ломает голову радушный хозяин. – Вот тут у нас баня по-черному, а здесь (разномастные пеньки устроили хоровод вокруг кострища) мы собираемся вечерять.

За воротами этого очень уютного имения (язык не поворачивается назвать все увиденное деревенской избой с приусадебным участком) плещется спокойное и величавое озеро Неро. Михаил придирчиво осматривает салатовый бобрик газона, импровизированный сад камней, живописную корягу...

– Тоже ваше... – уже не спрашиваю, а констатирую я.

– Ну, кто еще ценную площадь будет газонами засевать? – смеется в ответ Михаил. – Но ведь хорошо же?!

Конечно, хорошо. Не то слово! Начинаю завидовать этому человеку, сумевшему так ладно устроить свою жизнь, не совсем белой завистью. От этого, вредничая, ворчу:

– И все-таки я не понимаю, как можно все это великолепие содержать в таком виде, если вы ни за что денег не берете?

– Все не уйметесь? – не обижается Михаил. – Работы свои продаю (а они находятся не только в государственных музеях России и зарубежья, но и во многих частных коллекциях как по эту, так и по ту сторону границы. – **Авт.**), друзья помогают. Я ведь не делю свой доход на две части: это – на жизнь, а это – на музей. Для меня это одно и то же. Главное – жить в удовольствие, а деньги можно заработать.

Лариса ДРАЧ.